

## ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ<sup>1</sup>

**Клисторин Владимир Ильич,**

*доктор экономических наук, профессор,*

*ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН,*

*Россия, 620090, Новосибирск, пр. акад. Лаврентьева, д. 17;*

*профессор кафедры экономической теории Национального исследовательского*

*Новосибирского государственного университета,*

*Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1*

ORCID: 0000-0002-4011-5932

klistorin@ieie.nsc.ru

### Аннотация

Статья продолжает серию публикаций автора по истории освоения и развития Сибири, анализу ее современного социально-экономического положения и перспектив дальнейшего развития. Автор объяснил влияние институтов на динамику демографических и социально-экономических процессов. В результате сравнения развития Сибири и Канады в долгосрочной ретроспективе выявлено влияние формальных институтов и системы управления в целом на миграцию населения и успешность социально-экономического развития. Процессы освоения и заселения Сибири и Канады до начала XX века определялись преимущественно природно-ресурсными факторами и экономико-географическим положением регионов и шли параллельно. Сибирь лидировала в скорости заселения и особенно сельскохозяйственного освоения территории благодаря наличию сухопутного маршрута и меньшему числу альтернатив для мигрантов. В XX веке модели развития мегарегионов разошлись, и это сказалось на всех сторонах жизни населения. Освоение природных ресурсов в Сибири в советский период проходило в несколько этапов, некоторые из них сопровождалась резким падением уровня жизни и привели к массовым человеческим жертвам. Периоды форсированного индустриального освоения сменялись периодами застоя и оттока населения. Особенности институционального устройства и моделей управления стали причиной централизации и монополизации экономики Сибири. В постсоветский период это привело к очаговому характеру освоения природных ресурсов, усилению сырьевой специализации региона. Подобная модель развития и бюджетное устройство России

<sup>1</sup> Статья написана в рамках исследовательского проекта РФФИ № 18-014-00052 «Сибирь в контексте глобальных трансформаций: сравнительный анализ мегарегионов».

вызвали негативные демографические последствия и стагнацию внутреннего рынка мегарегиона. Эти вызовы следует учитывать при формировании программ развития Сибири и ее частей.

**Ключевые слова:** институты, управление, демография, миграция, мегарегион, экономический рост, Сибирь, Канада.

#### **Библиографическое описание для цитирования:**

*Клисторин В.И.* Влияние институтов на социально-демографические процессы. Сравнительное исследование // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 235–250. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-235-250.

#### **Постановка проблемы**

В экономической литературе проблема обеспечения долгосрочного экономического роста часто связывается с качеством институтов и объясняется влиянием институциональных факторов [4, 9, 14]. Под институтами понимаются писанные и неписанные правила, по которым люди принимают решения. Институты вместе с людьми образуют организации, которые, в свою очередь, определяют институциональную структуру общества.

Функционирование формальных и неформальных институтов страны обычно определяет направление принимаемых решений и эффективность политики. На региональном уровне эти процессы рассматриваются редко, поскольку считается, что институциональные условия в целом одинаковы на территории отдельных стран. Влияние государственной макроэкономической политики на развитие отдельных регионов также рассматривается как более или менее однородное, за исключением региональной политики, которая рассматривается как корректирующая [8].

Давно признано значительное влияние демографических процессов на экономическое развитие и рост, равно как и обратное влияние экономического развития на социально-демографические процессы, включая и миграцию населения [7, 20]. Кроме того, все эти процессы изучаются историками. Но в силу растущей специализации научных исследований наблюдается дефицит работ по комплексному осмыслению всех этих процессов, особенно на региональном уровне. Так, демографы, уделяя значительное внимание анализу экономических и политических факторов движения населения, мало внимания уделяют институциональным аспектам и социальным процессам. С другой стороны, историки, работающие с массивами документов, обычно достаточно поверхностно используют экономическую информацию и концентрируют свое внимание на формальных институтах. Культурологи и социологи исследуют неформальные институты, но в силу специфики своих областей знаний

изучают преимущественно малые группы. Наконец, экономисты, как правило, рассматривают короткие промежутки времени для подтверждения или опровержения своих гипотез просто в силу особенностей методологии статистики, проблем с построением длинных рядов и сопоставимостью данных. Итак, по правилу транзитивности сформулируем гипотезу о значительном влиянии институтов на протекание демографических процессов, особенно миграции населения, в долгосрочном периоде на уровне мегарегионов, большинство из которых не имели полноценной государственности.

### Политико-экономическое сравнение Сибири и Канады

С этих позиций полезно сравнить процессы освоения и заселения двух крупнейших по площади и сходных по природным условиям мегарегионов планеты – Сибири и Канады. Обе территории стали объектами европейской колонизации примерно в одно и то же время и пережили периоды торгово-промышленного, сельскохозяйственного и индустриального освоения [1, 4, 6, 10, 11]. Оба мегарегиона входили в состав крупнейших по территории и численности населения империй, были удаленными от центра метрополий и не доставляли значительных проблем центральным властям.

В настоящее время Сибирь и Канада вполне сопоставимы по размерам территории, численности, доле и плотности городского населения, обеспеченности природными ресурсами. Оба мегарегиона расположены на южном побережье Северного Ледовитого океана, а их границы в основном совпадают с общепризнанными государственными границами, за исключением того, что Сибирь отделена от европейской части страны Уральскими горами. Большая часть населения Сибири и Канады сосредоточена в узкой полосе вдоль государственных границ, автомобильных и железнодорожных магистралей. В обоих мегарегионах примерно одинаковое число крупных городов с численностью населения свыше 500 тыс. человек (в Канаде 9, в Сибири 11). В обоих мегарегионах хорошо развита система образования, в том числе высшего, причем по формальным критериям в Сибири уровень образования населения даже выше, чем в Канаде<sup>2</sup>.

Но далее начинаются различия. Канада относится к числу высокоразвитых стран и занимает 10-е место в мире по номинальному ВВП и 14-е – по паритету покупательной способности. По этим показателям Канада сравнима с Россией в целом (табл. 1).

<sup>2</sup> Обычно с уровнем образования населения связывают инновационность и скорость структурных изменений в экономике. Но экономический рост и уровень инновационности и динамичности экономики в Сибири ниже, чем в России в целом (за исключением небольшого числа городов), и, разумеется, ниже, чем в Канаде.

Таблица 1

**Сравнение ВВП Канады, России и Сибири в 2017 г., долл. США**

Страна, регион	ВВП (номинальный)	ВВП (по ППС)	ВВП на душу населения (номинальный)	ВВП на душу населения (по ППС)
Канада	1652	1837	45 077	49 851
Россия	1578	4213	10 600	28 300
Сибирь	365	974	12 167	31 567

Источник: данные МВФ и Росстата. Расчеты автора.

Следует подчеркнуть, что эти оценки достаточно условны и в значительной степени зависят от принятой методики расчета. Достаточно сказать, что официальные данные по ВВП стран мира, публикуемые МВФ, Всемирным банком и ООН, существенно различаются между собой. С другой стороны, есть претензии к данным, публикуемым Росстатом, в том числе и по регионам России. Весьма неоднозначна методика пересчета показателей валового регионального продукта в ВВП и особенно номинальных показателей в «реальные» с учетом паритета покупательной способности (ППС). Даже оценки численности населения Сибири в различных источниках различаются между собой. Мы воспользовались справочником «Регионы России», согласно которому в Сибири (вместе с Тюменской и Курганской областями) проживает около 30 млн чел. Несколько странно выглядит превышение ВВП по ППС по России и, разумеется, Сибири в 2,7 раза. Поэтому к данным табл. 1 следует относиться с осторожностью и рассматривать их скорее как иллюстрацию.

Из этих данных следует, во-первых, значительное отставание Сибири и России в целом в экономическом и, видимо, социальном развитии от Канады. Если сто лет назад экономики Сибири и Канады были вполне сопоставимы по размерам, то сейчас экономика России в целом сопоставима с канадской, а сибирская уступает ей в разы. Во-вторых, по производству добавленной стоимости на душу населения и, следовательно, по производительности труда Сибирь обгоняет Россию. В основном это объясняется огромным вкладом ресурсных и экспортно-ориентированных регионов. Доля только трех из 24 субъектов, расположенных на территории Сибири, а именно Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и Красноярского края, в суммарном ВРП региона составляет 42 %. Одновременно это означает крайне высокую степень концентрации экономической активности и доходов, с одной стороны, и несоответствия размещения производства и населения в Сибири – с другой.

Серьезные различия между мегарегионами наблюдаются при более пристальном рассмотрении системы расселения и процессов урбаниза-

ции. В Сибири наблюдается тенденция повышения темпов роста численности населения городов с увеличением их размеров. Примерами могут служить Новосибирск, Красноярск и Тюмень. В Канаде наблюдается скорее обратная тенденция: Торонто и Монреаль растут значительно медленнее, чем Калгари, Миссиссога или Эдмонтон. Во-вторых, в Канаде более активно идет процесс субурбанизации и формирования агломераций. Так, в Торонто насчитывается 2,8 млн жителей, а в Большом Торонто – почти 6 млн. Для сравнения: в самой большой по численности населения Новосибирской агломерации проживает немногим более 2 млн человек, а в самом Новосибирске – более 1,6 млн. В-третьих, население постепенно стягивается в наиболее обжитую часть региона – на юг Западной Сибири, а менее освоенная Восточная Сибирь и Дальний Восток теряют население. В Канаде население в целом перемещается в центральные и тихоокеанские провинции, т. е. в районы более позднего освоения. Наконец, в Канаде проживающее в малых городах население чувствует себя в целом достаточно комфортно, чего нельзя сказать о сибирских малых городах и поселках.

### Сравнение Сибири и Канады в исторической ретроспективе

Практически до начала XX века оба мегарегиона развивались в целом синхронно и переживали сходные стадии освоения. В технологическом плане Канада, будучи связанной с более развитой в экономическом и финансовом отношении Англией, в XIX веке лидировала в индустриализации и модернизации. В подтверждение этого тезиса сошлемся на то, что русские ученые и инженеры изучали опыт строительства Канадской тихоокеанской железной дороги, методы и инструменты финансирования крупных проектов по освоению месторождений минерального сырья, организации переселенческой деятельности и т. п. [6]. При этом до Первой мировой войны Канада отставала от Сибири по масштабам миграции и динамики численности населения.

Таблица 2

#### Иммиграция в Канаду в 1850–1970 гг. в среднем в год, тыс. чел.

Годы	Число иммигрантов	Годы	Число иммигрантов
1851–1875	47,3	1931–1935	17,6
1876–1900	44,8	1936–1940	14,4
1901–1905	104,3	1941–1945	12,2
1906–1910	186,4	1946–1950	86,6
1911–1914	363,5	1951–1955	158,3
1915–1919	80,5	1956–1960	147,6
1920–1925	106,2	1961–1965	150,6
1926–1930	146,3	1966–1970	79,8

Источник: [7], расчеты автора.

Мы видим, что были значительные колебания интенсивности миграционного притока: резкое усиление в начале XX века, спад в периоды мировых войн, некоторое восстановление в послевоенный период и, наконец, падение в период Великой депрессии. В последующие годы миграционный приток населения в Канаду имел тенденцию к усилению. В настоящее время миграция – основной фактор роста численности населения страны [16]. За последние полвека население Канады возросло почти на 70 % и достигло примерно 37 млн чел.

Население Сибири в конце XIX века (согласно переписи 1897 г.) составляло 5,7 млн чел., в то время как в Канаде только 4,3 млн чел. Перед Первой мировой войной в 1900–1914 гг. в Сибирь переселилось 4,5 млн чел., а в Канаду – 2,9 млн чел. В межвоенный период в Сибирь переехало около 3 млн чел., в среднем около 150 тыс. чел. в год, т. е. примерно столько же, сколько и в Канаду.

Перемещения населения в СССР определялись планами индустриального развития, в то время как в Канаде – политическими и экономическими ситуациями как в странах выхода мигрантов, так и в самой Канаде. В послевоенный период Сибирь сначала пережила масштабный отток эвакуированного населения, а потом приток в связи с новыми индустриальными проектами и освоением целинных земель. Но по мере исчерпания ресурсов для экстенсивного развития – как человеческих, так и финансовых – развитие Сибири застопорилось. Относительно небольшое превышение уровня и качества жизни в мегарегионе, компенсирующее тяжелые природно-климатические факторы, исчезло, и его экономическое и демографическое развитие резко затормозилось. В результате в конце XX века Канада обошла Сибирь по численности населения. Длительный кризис 1989–1998 гг. привел к тому, что на большей части Сибири началась депопуляция. В настоящее время существуют различные оценки численности населения Сибири (что само по себе вызывает недоверие к статистике). По наиболее достоверной оценке численность населения Сибири составляет 26,1 млн чел. против примерно 37 млн чел. в Канаде.

Полагаем, что на масштабы миграции и демографическую ситуацию в целом влияли институты и экономико-географическое положение мегарегионов. Административное ограничение миграции до начала XX века играло не самую важную роль, хотя попыток регулировать процесс было немало [13]. Гораздо большее значение имели аграрное перенаселение и земельный вопрос, а также представление о правовой и религиозной свободе. Кроме того, важную роль играла возможность выбора места вселения и наличие барьеров на пути переселения, возможной помощи и поддержки в месте вселения.

Главными конкурентами Канады в качестве объектов миграционного притяжения были Североамериканские Соединенные Штаты, а позднее –

Австралия и страны Южной Америки. Вообще на протяжении истории Канады ее соседство с США как способствовало, так и тормозило экономическое развитие и заселение. Когда в США вводились ограничения на иммиграцию, в Канаде наблюдался ее всплеск, и наоборот. В целом на Канаду приходилось в разные периоды 10...20 % эмиграционного потока из Европы в Северную Америку [7, 17]. Сходство экономических и правовых систем, протяженная общая граница обусловили тесные экономические и финансовые связи Канады с южным соседом, которые в прошлом приводили к сведению Канады к роли сырьевого придатка, например, в лесной отрасли и добыче полезных ископаемых. С другой стороны, колоссальный спрос со стороны США стимулировал экономическое развитие Канады, хотя сбои в американской экономике болезненно отражались на канадской. В то же время экономические связи с США немало способствовали росту конкуренции и структурной перестройке канадской экономики [18]. Зарубежные компании достаточно успешно вели бизнес в Канаде, в отличие от Сибири, где американские и другие фирмы встречались с противодействием еще в предреволюционный период, а после революции подверглись экспроприации [19].

Для Сибири самыми серьезными конкурентами в миграционном отношении выступали в XVIII веке северное Причерноморье, а позднее – районы Северного Кавказа. Миграция в Среднюю Азию была относительно незначительной в силу существенных природно-климатических и культурных различий, а также позднего присоединения территорий. Переезд через океаны был сопряжен со значительными издержками и носил преимущественно этноконфессиональный характер. Что касается экономики, за исключением очень узкого набора вывозимых товаров сибирская экономика оставалась замкнутой и в высшей степени монополизированной, о чем можно судить по разрыву в ценах с европейской частью страны. Прорыв произошел с установлением железнодорожного сообщения, что привело не только к интеграции мегарегиона в экономику России, но и к ускоренному формированию внутреннего рынка и урбанизации. При этом торговые и иные связи с Китаем и Монголией не играли определяющей роли. Но еще в конце XIX века сибирские интеллектуалы задумывались о возможной модернизации Японии и Китая и необходимости выстраивания с ними отношений [15]. Отметим, что в настоящее время на направления и темпы развития регионов Сибири всё большее влияние оказывают страны Восточной Азии, и в первую очередь Китай.

Но вернемся к истории развития Сибири в начале XX века. Методы освоения территории Сибири и Канады разошлись. Точкой расхождения стала революция и Гражданская война в России. Прежде всего эти события выявили геостратегическую роль Сибири для дальнейших судеб страны.

Можно утверждать, что Гражданская война выявила два ключевых региона России, контроль над которыми был жизненно важен для империи, – это Сибирь и Украина. Фактически Гражданская война закончилась, когда Красная армия и Советское правительство установили над ними контроль. Остальные провинциальные регионы, включая Среднюю Азию, носили второстепенный характер. Дело в том, что Сибирь и Украина рассматривались как источники продовольствия, энергетических ресурсов и металлов, что имело даже большее значение, чем контроль над границей. Именно эти события во многом определили последующую стратегию освоения Сибири.

Вторая мировая война сделала Сибирь и Канаду глубоким тылом, кузницей оружия и поставщиком стратегических материалов для СССР и Британской империи соответственно. Хотя в силу малочисленности населения их непосредственный вклад в победу на фронтах и не был решающим, относительный масштаб мобилизации ресурсов был значителен [4]. Их тыловое положение играло значительную роль и в период холодной войны. Например, они приняли участие в атомных проектах, и на их территориях размещались объекты атомной промышленности. Всё это привело к новому этапу индустриализации. Но, в отличие от Сибири, экономика Канады была более гибкой, и процессы конверсии и реконверсии проходили быстрее.

Вторая мировая война и последовавшая за ней холодная война оказали большое влияние на динамику и структуру хозяйства, динамику населения. Для Сибири это влияние было более значительным. Сравнение результатов переписей 1939 и 1959 гг. показывает, что население СССР возросло на 9,5 %, а население Сибири и Дальнего Востока – на 35,4 %. В восточные районы, включая Урал, переселилось не менее 8 млн чел. Конкурентами Сибири в этот период были Москва, западные регионы страны, а также Крым, куда переселилось около 500 тыс. чел. [7, с. 157–159].

В последующие годы произошло резкое изменение стратегии освоения Сибири. Вместо экстенсивного развития сельского хозяйства и промышленности правительство перешло к реализации отдельных проектов, самыми масштабными из которых было освоение нефтегазовых ресурсов Западной Сибири, создание энергоёмких производств в Восточной Сибири и строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Эти проекты были весьма капиталоемкими, но требовали гораздо меньше рабочих рук [9].

Из-за нехватки инвестиционных ресурсов развитие других отраслей и социальной сферы тормозилось. Началось сначала относительное, а потом и абсолютное снижение уровня и условий жизни в Сибири. В постсоветский период начались процессы деиндустриализации и депопуляции



[2, 5, 11]. Многочисленные программы социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока и находящиеся на их территории субъектов Федерации не реализовывались, а в той части, в которой осуществлялись, не приносили желаемого результата. Развитие Сибири, как и до второй половины XIX века, перешло от программного к проектному подходу, что привело к очаговому сценарию ее освоения.

### **Различия в политико-экономических системах мегарегионов**

Ранний период освоения Сибири, как и французский в Канаде, характеризуется тем, что центральное правительство было заинтересовано в контроле над территорией в основном для развития колониальной торговли и извлечения доходов для казны. Поэтому свободное перемещение населения на новые территории ограничивалось, а временами жестко пресекалось. Но если присоединение Канады к Великобритании сняло эти феодальные по сути ограничения, то в России административные ограничения для переселения в Сибирь сохранялись практически до конца XIX века [1, 3, 13, 15]. Следует отметить, что контроль над территорией, административными и государственными границами и собственно населением в европейских странах был более эффективен в сравнении с Россией. На это указывает, во-первых, наличие русских поселений на территориях, в которые прибывали не только воинские отряды (в начале колонизации), но и географические экспедиции в XIX веке. Во-вторых, об этом косвенно говорит скорость продвижения русских на восток в сравнении с европейским продвижением на запад Северной Америки. Русские достигли Тихоокеанского побережья в середине XVII века, в Канаде это произошло лишь в XIX веке.

Скорость продвижения казацких отрядов определялась как малолюдностью северной части Сибири, так и рядом других обстоятельств. В отличие от Северной Америки, русские были знакомы с Сибирью задолго до походов Ермака и лучше ориентировались в сношениях с местным населением. Другим важным отличием было наличие государственных образований на территории Сибири и вассальной зависимости многих аборигенных народов. Большая часть Сибири последовательно входила в Тюркский каганат, Монгольскую империю, Золотую орду и т. д.

Наличие государственности на первых порах, видимо, затрудняло завоевание края, зато потом облегчало управление им и поддержание порядка среди туземных народов. Поэтому вооруженные конфликты и восстания в Сибири завершились в XVIII веке, в то время как в США и Канаде вооруженные столкновения продолжались в XIX веке. Возможно, определенную роль сыграли указы воеводам о «мягком» отношении к ясачному населению. В целом опыт сосуществования с коренными народами в России

и Канаде различен [10, 11]. В отличие от многих других британских колоний Канада не была местом ссылки, в то время как в Сибири доля каторжников и ссыльных в отдельные годы достигала 10 % населения, не говоря уже о Гулаге и многочисленных депортациях в советский период<sup>3</sup>.

Первые признаки самосознания населения Сибири обнаруживаются в XIX веке, а областничество как идейное течение части сибирской интеллигенции начинает формироваться только в 1860-е годы. В Канаде сепаратистские настроения проявляются уже в 1830-е гг., что даже привело к восстаниям в Верхней и Нижней Канаде (сепаратистские настроения и общественные движения были не только в франкофонной части Канады). По-видимому, главной причиной этого отставания было более позднее и более медленное развитие образования, особенно высшего, в Сибири по сравнению с Канадой [3]. Осознание отличия сибиряков от жителей центральных губерний наблюдалось достаточно давно, но артикулировать эти отличия и сформулировать общие интересы жителей Сибири могла только нарождающаяся интеллигенция.

Примечательно, что для обоих движений главными вопросами были передача земель в собственность и устройство местного самоуправления, которое рассматривалось как противовес влиянию местной элиты и имперского чиновничества. Примером для подражания служили институциональные условия в США, особенно закон о гомстедах, формирование местного самоуправления и основание новых штатов [6].

Судя по имеющимся данным, европейские переселенцы в Канаду и Сибирь пытались копировать общественные институты мест выхода. Но неизбежно эти институты принимали местную специфику и постепенно видоизменялись, приобретали иные функции. Так, в Канаде, равно как и штатах восточного побережья, появилась новая аристократия, образовались относительно замкнутые этноконфессиональные общины, электоральное поведение которых влияло на формирование местной власти и политические процессы в целом. При этом переселенцы в Канаду, особенно англосаксонского и североευропейского происхождения, имели большую тягу к формированию местного самоуправления и большие навыки в данной области.

Русские поселенцы перенесли в Сибирь общину. В России община выполняла три основные функции: фискальную для властей, систему управления общей собственностью и взаимопомощи для членов общины. Но в

<sup>3</sup> Помимо раскулаченных, спецпоселенцев и заключенных в период до и во время Великой Отечественной войны в Сибирь и Казахстан были переселены корейцы, эстонцы из Ленинградской области, около 600 тыс. поляков, около 400 тыс. немцев Поволжья, большое число жителей прибалтийских республик и Западной Украины и Белорусии, крымские татары и ряд народов Северного Кавказа. Впоследствии большая часть выживших и их потомков из Сибири уехала [7].

Сибири община часто становилась средством подчинения крестьян местным купцам и ростовщикам и способствовала монополизации экономики. Поэтому областники считали необходимым упразднение общины и создание системы местного самоуправления по типу земства [15].

### **Федерализм в Канаде и России**

Россия и Канада являются государствами с федеративным устройством. В обеих странах основные принципы федерализма закреплены в конституциях, созданы соответствующие органы власти [12]. Размеры территории, низкая плотность населения и транспортная недоступность, особенно в северных и восточных районах обеих стран, сближают Россию и Канаду и налагают определенный отпечаток на систему управления и федеративное устройство. Возможно, из-за этого муниципальный уровень управления в обеих странах располагает значительно меньшей долей финансовых ресурсов, нежели в других федеративных государствах. Но если в Канаде наибольшая доля доходов и расходов концентрируется всё-таки на уровне провинций, то в России – на федеральном уровне. Поэтому в Канаде создана более децентрализованная бюджетная система, нежели в России. Почти 52 % всех доходов непосредственно зачисляются в провинциальные и локальные бюджеты, которые осуществляют (вместе с трансфертами и грантами федерального правительства) 77 % всех расходов. В России же в 2017 г. суммарные доходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации (вместе с трансфертами из федерального бюджета) составили лишь 34,5 %, а расходы – 35,6 % консолидированного бюджета. При этом 5,4 трлн руб., или почти 33 % федерального бюджета, составляли межбюджетные трансферты субъектам Федерации, т. е. более половины доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ составляли перечисления из федерального бюджета. Очевидно, что в этих условиях о самостоятельности выбора стратегии развития на региональном и местном уровнях можно только говорить.

### **Заключение**

Многие авторы указывали на поразительное сходство исторического, экономического и демографического развития Сибири и Канады. Признавая сходство природно-климатических и иных характеристик этих макрорегионов, следует признать и огромные различия между ними. При анализе долгосрочной ретроспективы становится очевидным, что основные различия между Сибирью и Канадой кроются в институциональном устройстве тех государственных образований, в которые они входили, и лишь во вторую очередь в экономико-географическом положении относительно центров роста мировой экономики. На большей части истории развитие

макрорегионов шло примерно параллельно. Более того, происходил обмен опытом освоения природных ресурсов между специалистами, предпринимателями, учеными и интеллектуалами двух стран. Заселение Сибири по ряду причин шло быстрее, но развитие экономики, формирование внутреннего рынка, распространение образования, медицинских услуг и прочее – гораздо медленнее. Причины этого видятся в институциональном устройстве и системах управления мегарегионами. После революции и завершения Гражданской войны модели развития и освоения Сибири и Канады стали принципиально различными. Если в предвоенный период и примерно до 1960-х годов советская система планового хозяйства демонстрировала преимущества в виде невероятной и ничем не сдерживаемой мобилизации ресурсов для целей индустриального развития и освоения территории, то по мере исчерпания резервов экстенсивного развития все эти преимущества сошли на нет и привели к системному кризису СССР вообще и Сибири в частности.

Преимущества и преференции Сибири сошли на нет, что усугублялось построенной в начале XXI века сверхцентрализованной налогово-бюджетной системой и переходом к модели управления, далекой от принципов федеративного государства. В XX века различия в институциональном устройстве определили катастрофическое отставание Сибири в сравнении с Канадой с точки зрения демографии, уровня и качества жизни и даже системы расселения. Они же не позволяют сформулировать, а главное, реализовать программу развития Сибири.

#### Литература

1. *Зубков К.П.* Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО. – 2019. – Т. 49, № 1. – С. 8–24.
2. *Клисторин В.И.* О программах вообще и освоения и развития Сибири – в частности // ЭКО. – 2011. – Т. 3, № 9. – С. 111–117.
3. *Клисторин В.И.* Сибирь как колония. Взгляды Н.М. Ядринцева на проблемы и перспективы освоения Сибири // ЭКО. – 2019. – Т. 49, № 1. – С. 25–40.
4. *Клисторин В.И.* Мегарегион Сибирь: проблемы освоения и управления в долгосрочной ретроспективе // Сибирь как мегарегион: параметры и цели / под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренд», 2018. – С. 28–50.
5. *Клисторин В.И.* Внешняя миграция в России в общественном сознании, текущей политике и стратегических документах // ЭКО. – 2014. – Т. 44, № 8. – С. 5–17.
6. *Лузянин Г.И.* Россия и Канада в 1893–1927 гг. – М.: Прометей, 1997. – 261 с.
7. *Марианьский А.* Современные миграции населения / пер. с пол. В.Л. Кона. – М.: Статистика, 1969. – 224 с.
8. Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии: проект Тасис EDRUS 9602: сборник статей / под

ред. В.Е. Селиверстова, Д. Юилла. – Новосибирск: Экор: Сибирское соглашение, 2000. – 549 с.

9. Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с.

10. Сибирь: имидж мегарегиона / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «ТрендЪ», 2012. – 364 с.

11. Сибирь как мегарегион: сущность и динамика / под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 159 с.

12. Федерализм в России и Канаде: правовые и экономические аспекты: материалы российско-канадских семинаров / под ред. В.Е. Селиверстова и А.В. Новикова. – М.: Международный центр проектов и программ развития федеративных отношений и региональной политики, 2004. – 280 с.

13. Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI века). – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 347 с.

14. Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации / редкол.: А.Э. Конторович, В.В. Кулешов, В.И. Суслов. – М.; Новосибирск: Анкил, 2009. – 320 с.

15. Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 479 с.

16. *Adams Tracey L.* The changing nature of professional regulation in Canada, 1867–1961 // *Social Science History*. – 2009. – Vol. 33, N 2. – P. 217–243.

17. *Bell R.J.* cultural crossroads and global frontiers: new directions in US diplomatic history // *Australasian Journal of American Studies*. – 2002. – Vol. 21, N 1. – P. 31–45.

18. *Inwood K., Keay I.* Diverse paths to industrial development: evidence from late-nineteenth-century Canada // *European Review of Economic History*. – 2012. – Vol. 16, N 3. – P. 311–333.

19. *Owen T.C.* Chukchi gold: American enterprise and Russian xenophobia in the Northeastern Siberia Company // *Pacific Historical Review*. – 2008. – Vol. 77, N 1. – P. 49–85.

20. *Wrobel D.M.* Global West, American frontier // *Pacific Historical Review*. – 2009. – Vol. 78, N 1. – P. 1–26.

Статья поступила в редакцию 02.03.2019.

Статья прошла рецензирование 09.04.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-235-250

## THE INFLUENCE OF INSTITUTIONS ON SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES. COMPARATIVE STUDY

**Klistorin Vladimir,**

*D. of Sc.(Economics),*

*Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering,*

*Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,*

*17, Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;*

*Professor, Department of Economic Theory,*

*Novosibirsk State University,*

*1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-4011-5932

klistorin@ieie.nsc.ru

### Abstract

The paper continues the author's series of publications on the history of colonization and development of Siberia and analysis of its current socio-economic situation and development prospects. The author reveals the influence of institutions on the dynamics of demographic and socio-economic processes. Having compared the development of Siberia and Canada in the long-term retrospective, the author shows how formal governance institutions influence on the population migration and success of socio-economic development in these countries. The processes of development and colonization in Siberia and Canada observed in the early twentieth century were mostly determined by natural resource factors and their economic and geographical location. This is why these processes took place on a parallel track. Siberia was a leader in the speed of colonization, especially in agricultural development of the territory, since it had an overland route and fewer alternatives for migration. In the twentieth century the development models of these mega-regions varied, and this has affected all aspects of their life. The development of natural resources in Siberia in the time of the Soviet Union went through several stages, some of which were accompanied by a sharp drop in living standards and resulted in human losses. The periods of the forced industrial development were followed by periods of stagnation and out migration. The specifics of the Siberian institutional and governance patterns have repeatedly led to the centralization and monopolization of its economy. In the post-soviet time this resulted in a spot character of the development of natural resources and in the strengthened raw material specialization of Siberia. Such a model of development of Russia and organization of its budget have brought negative demographic consequences and stagnation of domestic market in this megaregion. These challenges are advisable to be considered in forming development programs for Siberia and its parts.

**Keywords:** institutions, governance, demography, migration, megaregion, economic growth, Siberia, Canada.

**Bibliographic description for citation:**

Klistorin V. The influence of institutions on socio-demographic processes. Comparative study. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 235–250. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-235-250.

**References**

1. Zubkov K.P. Kolonizatsiya Sibiri: smysl i uroki istorii [Early colonization of Siberia: meanings and lessons of history]. *EKO – ECO*, 2019, vol. 49, no. 1, pp. 8–24.
2. Klistorin V.I. O programmakh voobshche i osvoeniya i razvitiya Sibiri – v chastnosti [about programs in general and Siberian development programs in particular]. *EKO – ECO*, 2011, vol. 3, no. 9, pp. 111–119.
3. Klistorin V.I. Sibir' kak koloniya. Vzglyady N.M. Yadrintseva na problemy i perspektivy osvoeniya Sibiri [Siberia as a Colony. N.M. Yadrintsev's opinion on problems and prospects of the Siberian development]. *EKO – ECO*, 2019, vol. 49, no. 1, pp. 25–40.
4. Klistorin V.I. Megaregion Sibir': problemy osvoeniya i upravleniya v dolgosrochnoi retrospektive [Siberia megaregion: problems of development and governance in the long-term retrospective]. Sibir' kak megaregion: parametry i tseli [Siberia as a megaregion: parameters and goals]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2018, pp. 28–50.
5. Klistorin V.I. Vneshnyaya migratsiya v Rossii v obshchestvennom soznanii, tekushchei politike i strategicheskikh dokumentakh [Russian external migration in public opinion, current policy, and strategic documents], *EKO – ECO*, 2014, vol. 44, no. 8, pp. 5–17.
6. Luzyanin G.I. *Rossiya i Kanada v 1893–1927 gg.* [Russia and Canada in 1897–1927]. Moscow, Prometei Publ., 1997. 261 p.
7. Marian'skii A. Sovremennye migratsii naseleniya [Contemporary population migration]. Translation from Polish by V.L. Kon. Moscow, Statistika Publ., 1969. 224 p. (In Russian).
8. Regional'naya politika, napravlyennaya na sokrashchenie sotsial'no-ekonomicheskoi i pravovoi asimmetrii: proekt Tasis EDRUS 9602: sbornik statei [Regional policy aimed at reducing social, economic, and legal asymmetry: Tasis project EDRUS 9602: collection of articles]. Ed. by V.E. Seliverstov, D. Yuilla. Novosibirsk, Ekor Publ., Siberian Accord Publ., 2000. 549 p.
9. *Sibir' v pervye desyatiletiya XXI veka* [Siberia in the first decades of the XXI century], ed. by V.V. Kuleshov. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2008. 788 p.
10. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: image of the megaregion]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2012. 364 p.
11. *Sibir' kak megaregion: sushchnost' i dinamika* [Siberia as a megaregion: essence and dynamics]. Sci. ed. V.I. Suprun. Novosibirsk, NSTU Publ., 2017. 159 p.
12. *Federalizm v Rossii i Kanade: pravovye i ekonomicheskie aspekty: materialy rossijsko-kanadskikh seminarov* [Federalism in Russia and Canada: legal and economic aspects: materials of the Russian-Canadian seminars]. Ed. by V.E. Seliverstov, A.V. Novikov.

Moscow, International Center of Development Projects and Programs for Federative Relations and Regional Policy Publ., 2004. 280 p. (In Russian).

13. Shilovskii D.M., Shilovskii M.V. Administrativno-territorial'noe ustroistvo i upravlencheskii apparat Aziatskoi Rossii (konets XVI – nachalo XXI veka) [Administrative and territorial structure and governance apparatus in the Asia part of Russia (Late XVI – Early XXI Century)], Novosibirsk, NSUEM Publ., 2018. 347 p.

14. Kontorovich A.E., Kuleshov V.V., Suslov V.I., ed. board. *Ekonomika Sibiri: strategiya i taktika modernizatsii* [Siberian Economy: Strategy and Tactics of Its Modernization], Moscow, Novosibirsk, Ankil Publ., 2009, 320 p.

15. Yadrintsev N.M. *Sochineniya*. T. 1. Sibir' kak koloniya. Sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee [Writings. Vol. 1. Siberia as a colony. Contemporary situation in Siberia, its needs and demands, its past and future]. Tyumen, Yu. Mandrika Publ., 2000. 479 p.

16. Adams Tracey L. The changing nature of professional regulation in Canada, 1867–1961. *Social Science History*, 2009, vol. 33, no. 2, pp. 217–243.

Adams Tracey L. The changing nature of professional regulation in Canada, 1867–1961 [Electronic resource] // *Social Science History*. – 2009. – Vol. 33, N 2. – P. 217–243. – URL: <http://www.jstor.org/stable/40267999>

17. Bell R.J. Cultural crossroads and global frontiers: new directions in US diplomatic history. *Australasian Journal of American Studies*, 2002, vol. 21, no. 1, pp. 31–45.

18. Inwood K., Keay I. Diverse paths to industrial development: evidence from late-nineteenth-century Canada. *European Review of Economic History*, 2012, vol. 16, no. 3, pp. 311–333.

19. Owen T.C. Chukchi gold: American enterprise and Russian xenophobia in the Northeastern Siberia Company. *Pacific Historical Review*, 2008, vol. 77, no. 1, pp. 49–85.

20. Wrobel D.M. Global West, American frontier. *Pacific Historical Review*, 2009, vol. 78, no. 1, pp. 1–26.

The article was received on 02.03.2019.

The article was reviewed on 09.04.2019.